

— Мы не объединялись, — заговорил Ся Шан. — Этот навес я тоже строил, почему я не могу здесь остаться?

Сказав это, он вошёл внутрь, неся свои вещи.

— Да, он хотел подставить... — Монашек поспешно прикрыл рот, затем тоже взял свои вещи и забежал в навес. — Этот навес я тоже строил, почему я не могу здесь остаться? Я не объединялся, не говори ерунды.

Режиссёр Хуан: ...

Чу Хуайцинъ наблюдал за этими двумя актёрами, разыгрывающими сценку, затем взглянул на дрон, круживший вокруг. Он собирался поднять Су Хуайчэня, но тот проснулся.

— Хуайцинъ, с тобой точно есть мясо!

— Что ты хочешь сказать?

— Я голоден.

— Вставай, есть еда. — Чу Хуайцинъ помог ему подняться, взял рюкзак и позвал Линь Чжинань войти в навес.

Дождь всё ещё шёл, но, к счастью, на этой горе, выбранной режиссёром Хуаном, росли берёзы. Энтони, наблюдая за тем, как Чу Хуайцинъ и другие рубят мокрые деревья для костра, кивнул, признавая, что у них есть базовые навыки выживания.

В рюкзаке Чу Хуайцинъ было немного еды, у монашка и Ся Шана тоже ничего не осталось. Но это было не так важно, как им нужно было найти имбирь или другие лечебные травы, чтобы выпить что-то от простуды.

— Разве у нас нет таблеток от простуды? — удивился монашек.

Чу Хуайцинъ ответил:

— Это для лечения простуды, мы ещё не заболели. Если заболеем, тогда примем, но неизвестно, поможет ли это сразу.

Последние несколько дней шёл дождь, и, как видно по Су Хуайчэню, даже после приёма лекарств, если попасть под дождь, температура снова поднимается.

Чу Хуайцинъ попросил Линь Чжинань и Су Хуайчэня раздеться, и они остались в навесе. Су Хуайчэнь продолжал отдыхать, а Линь Чжинань готовила маниок, который нашёл Ся Шан, когда поднялся первым. Его было немного, всего два корня. Перед выходом Чу Хуайцинъ поставил несколько котелков снаружи, свернув банановые листья в конус, чтобы вода стекала, и они отправились искать еду.

— Режиссёр Хуан говорил, что выпустит домашнюю птицу. Кроме этой курицы, я ничего не видел. — Монашек ворчал, считая, что режиссёр Хуан их обманул. Он размахивал палкой, ударяя по траве, дождь хлестал по его плечам, принося прохладу, но одежда была слишком плотно прилегала, что доставляло дискомфорт.

Режиссёр Хуан: [Домашняя птица всегда была, вы просто не встретили её. Виноват я?]

— Да, действительно редко встречается. — Чу Хуайцинь согласился.

— Режиссёр Хуан — хитрый человек. — Ся Шан подтвердил.

В дождь еду найти было непросто. Трое шли под дождём, прошли долгий путь, прежде чем нашли несколько пучков чихотной травы. По словам Чу Хуайциня, она могла предотвратить и вылечить простуду.

— Брат, как ты её узнал?

— На карточке, которую мы искали, были такие травы.

— Брат, ты всё запомнил?

— Да, их немного, всего шестнадцать видов, это легко.

Монашек считал, что это совсем не легко, он ничего не мог запомнить. Потерев шею, он почувствовал голод, но, вспомнив, что в навесе было только два маленьких маниока, он собрался с силами и продолжил путь.

Дождь в лесу был мокрым, после долгого пути Чу Хуайцинь тоже начал уставать. Кроме усталости, он чувствовал голод. Облизнув губы, капли дождя попали на язык, и он почувствовал себя ещё голоднее.

— Который час? — спросил Чу Хуайцинь.

— Три часа дня, — Ся Шан, увидев, что Чу Хуайцинь выглядит неважно, сегодня он провёл много времени с Линь Чжинань на утёсе, и это было очень изматывающе. — Давайте вернёмся, перекусим и отдохнём, потом снова выйдем.

— Хорошо. — Чу Хуайцинь не стал возражать. Голод снизил уровень сахара в крови, его руки и ноги слегка дрожали, и дождь лил слишком долго, он больше не мог терпеть.

— Тогда пойдём быстрее! — Монашек тоже не хотел больше мокнуть, быстро повернулся и хотел взять Чу Хуайциня за руку, но Ся Шан был быстрее, схватил его и пошёл обратно большими шагами.

Монашек, разозлившись, высунул язык в спину Ся Шана. Затем, собираясь последовать за ним, заметил в щели между камнями что-то, что заставило его сердце забиться чаще. Он хотел закричать, но остановился, подавив голос, и прошептал:

— Брат, брат, брат, курица, курица...

Монашек, пытаясь сдержать волнение и голос, говорил с искажённым лицом, что напугало многих зрителей в прямом эфире.

Под дождём Чу Хуайцинь и Ся Шан тоже услышали его, быстро повернулись и побежали обратно к монашку, следуя его взгляду. Они увидели курицу, стоящую спиной к ним, головой в щели между камнями, а хвостом наружу, квохтавшую.

— Курица, курица, будет курица, брат, я хочу жареную куриную ножку. — Монашек, взволнованно держа руку Чу Хуайциня, прыгал на месте, его живот урчал, и можно было услышать, как он глотает слюну.

Зрители в прямом эфире тоже обрадовались:

[Ура, будет курица, они с утра ничего не ели, весь день под дождём, наконец-то будет вкусная еда.]

[Ха-ха, монашек только что ругал режиссёра Хуана, а теперь сразу увидел домашнюю птицу. Видимо, чтобы получить мясо, нужно ругать режиссёра Хуана.]

[Подождите, у курицы белые перья? С серыми точками? Это точно курица?]

[Конечно, это не может быть дух!]

[Тихо, они идут ловить.]

Наклонившись, трое медленно подошли, образуя треугольник. Монашек не мог сдержать урчание живота, и Ся Шан несколько раз бросил на него сердитый взгляд. Звук дождя заглушал их шаги, и, когда они подошли, птица всё ещё стояла неподвижно, дрожа. Чу Хуайцинь протянул руку в щель и вытащил её, она не сопротивлялась, только продолжала дрожать.

Когда её вытащили, стало видно, что это была не курица. На голове у неё был хохолок, перья на крыльях были не серыми, а красно-коричневыми, клюв оранжевый. Она очень походила на курицу, но это была не она.

[Это кагу, охраняемый вид.]

[Боже, знают ли Чу Хуайцинь и другие? Если съедят, будут проблемы.]

[Не позволят же, режиссёр Хуан смотрит.]

— Ха-ха-ха, жареная курица, жареная курица, жареная курица, — монашек был настолько взволнован, что начал прыгать, размахивая руками, как крыльями. — Кожу нужно поджарить до хрустящей корочки, тогда будет вкусно. Сестре одну ножку, Су Хуайчэнь болен, ему тоже ножку, брату одно крыло, мне одно крыло...

— А мне? — Ся Шану это не понравилось, почему ему ничего не досталось.

— Тебе, эээ, голову, — увидев холодный взгляд Ся Шана, монашек поспешно добавил, — и две лапки!

Сказав это, он увидел, что Ся Шан всё ещё недоволен, и сердито сказал:

— Ты хочешь отобрать ножку у сестры?

Ся Шан молчал.

— Ты хочешь отобрать ножку у больного Су Хуайчэня?

Ся Шан молчал.

— Ты хочешь отобрать крыло у брата?

Ся Шан молчал.

Монашек засмеялся:

— Ты хочешь отобрать крыло у меня, того, кто нашёл эту курицу?

На этот раз Ся Шан не молчал, он хотел что-то сказать, но монашек испугался и закричал:

— Не смей трогать моё крыло, иначе я тебя побью!

Зрители в прямом эфире: [Что делать, монашек уже разделил эту «курицу», узнав правду, он точно заплачет.]

— Это не курица, — Чу Хуайцин, видя, как монашек радуется, не хотел огорчать его, но эту птицу нельзя было есть. — Это кагу, охраняемый вид. У неё немного повреждено крыло, вероятно, порезалось о ветку.

Монашек был словно поражён молнией, он застыл, глядя на Чу Хуайциня.

— Пойдём, сначала отнесём её и обработаем рану. — Чу Хуайцин, видя, что монашек всё ещё в шоке, взял кагу одной рукой, а другой повёл его обратно.

— Брат, курица.

Голос монашка дрожал.

— Ладно, брат найдёт тебе другую.

Чу Хуайцин вздохнул, этот ребёнок был слишком расстроен.

— Брат, моя курица.

— Это кагу.

Они прошли немного, и монашек вдруг остановился. Чу Хуайцин обернулся и замер. Ребёнок действительно заплакал, открыв рот, он закричал:

— Брат, кто поменял мою курицу...

Все: ...

Потрясённый монашек вернулся в навес в подавленном настроении. Су Хуайчэнь сидел у костра, его глаза слезились от дыма. Увидев, что Чу Хуайцин вернулся с «курицей», он чуть не подпрыгнул от радости, но, узнав, что это кагу, в навесе стало на одного удручённого человека больше.

Дождь всё ещё шёл, два маниока были нарезаны на кусочки и варились. Линь Чжинань, когда Чу Хуайцин вернулся, взяла чихотную траву, вымыла её в воде, которую они собрали в котелки, и, следуя указаниям Чу Хуайциня, положила её в котёл.

[Пусто]